

ГЛАВА 1

Флигель состоял из двух помещений: небольших светлых сеней, где коротали время ожидающие, и комнаты, в которой местная знахарка вела прием. Тюль на входной двери, повешенный для защиты от мошки и комаров, порой приподнимался от слабого ветерка, словно тяжко вздыхал. Воздух за ним дрожал от полуденного зноя. Пахло полынью. Через оконное стекло, разделенное рейками на квадраты, словно поле для игры в крестики-нолики, в сени лился солнечный свет, широкими мазками ложась на деревянные стулья, заботливо накрытый чистым пледом диванчик, кадку с фикусом и картину с изображением весеннего половодья. К последней Семен то и дело возвращался взглядом.

На диване под картиной сидела девушка с гладко зачесанными и собранными в тугой узел светлыми волосами. На ней было чопорное, весьма странное для ее возраста длинное платье. Сцепленные в замок руки лежали на коленях, взгляд направлен в пол. По бокам от нее как конвой — то ли почетный, то ли тюремный — расположились женщина постарше и женщина помладше, и по внешнему сходству Семен предположил, что это, как в загадке, две матери и две дочери. Он сидел с ними уже минут двадцать и поначалу всячески старался не прислушиваться к их беседе, но отвлечься больше было не на что, и в конце концов Семен позволил себе сей акт недобропорядочного поведения.

— Зовут ее Дарьей, — наставительно шептала младшей дочери младшая мать. — Не разглядывай ее, а на все вопросы отвечай честно. Помни, она — твоя последняя надежда! Ты слышишь меня, Ольга?

— Да, мама, — бесцветно шелестела в ответ девушка.

— Что скажет — делай! И не перечь! Поняла меня? Ольга, ты меня поняла?!

— Да, мама...

Было очевидно, что девушке здесь хочется находиться еще меньше, чем самому Семену. Интересно, зачем приехали, да еще и всем составом? Небось, венец безбрачия снимать.

Дверь в комнату наконец отворилась, и показалась женщина с грудным ребенком на руках. Женщина выходила спиной, едва ли не кланяясь, и благодарила:

— Спасибо вам, спасибо, а то уж так намучилась...

Следом вышла знахарка. Не испытывая особого интереса, Семен все-таки глянул на нее. Удивился. Отчего-то думал: будет старуха. А тут...

Ей было лет тридцать пять, вряд ли больше. Невысокая. Чуть полноватая. Округлое лицо, тщательно убранные под завязанную на затылке косынку волосы и, что уж совсем удивительно, — футболка и свободные штаны, кажется шаровары. Кожа смуглая от загара. Пожалуй, она была красива.

Семен вернулся взглядом к картине. В нижнем правом углу на пеньке сидел зайка. Уши его были высоко подняты. Казалось, он высматривал деда Мазая в надежде, что тот явится и спасет его, обреченного. Но Мазая художник рисовать не стал.

— До райцентра все-таки доедьте, сходите к врачу, — посоветовала женщина знахарка. Голос у нее был спокойный, приятный. Отличный голос для того, кто хочет, чтобы ему доверяли. С таким хорошо работать с людьми. — Я бы обследование назначила.

— Да что ж вы... Зачем же... — залопотала женщина. — Кашель же только... А там навыпишут всякого... Таблетками травить... Ездить еще туда-обратно, а то и не раз...

Да и сами знаете... Лучше уж мы к вам. Вы точно плохого не посоветуете.

— Вот и сейчас все-таки прислушайтесь, постарайтесь найти возможность, — вздохнула знахарка. — До свидания, Людмила. Кто следующий?

И она обвела взглядом сени, на мгновение задержавшись на лице Семена.

— Мы! — подскочила мать девушки. — Мы следующие!

— Проходите.

Две матери и две дочери скрылись за дверью. Семен приготовился дальше томиться в ожидании, но тут из комнаты раздался самый настоящий крик. Семен вздрогнул, а крик перерос в пламенную громкую речь.

— Двадцать пять лет! Двадцать пять — и нет мужа! Уж мы и старались, и искали, и свидания устраивали — и ничего! Мы же ее специально на физмат пристроили! И за пять лет — пять лет! — ни одного приличного мальчика! А эти ужасные расчесы! А если кто-то увидит?! Нам вас очень-очень советовали...

Семен вздохнул, поднялся со стула и сделал шаг к выходу, но тут на крыльце возник Алеша. Сын глянул на него укоризненно, отвел рукой тюль и вошел в сени.

— Попытка бегства? — поинтересовался он.

— Все что угодно, если сумеете избавить ее от этого проклятия! — ударом в гонг прозвенел из-за двери мощный женский голос. В дело вступила старшая мать.

— Это что такое? — нахмурился Алеша.

— Венец безбрачия приехали снимать, — пояснил Семен, надеясь, что сын осознает наконец всю нелепость и безумие затеянного мероприятия и выпустит его отсюда. Но вместо того чтобы заявить о вопиющей глупости отдельных личностей, Алеша неожиданно тоскливо посмотрел на дверь, за которой шел «прием».

— Как думаешь, пап, может, на мне тоже... этот... венец?
Может, попросить посмотреть, пока мы тут?

Семен опустился обратно на стул. Прикрыл глаза. Вроде бы двадцать первый век на дворе, а люди продолжают верить в такую очевидную ересь.

— Нет на тебе ничего. Не болтай ерунду.

— Угу.

— Угу.

Сын сел рядом и замолчал. Семен вернулся к созерцанию картины. Во флигеле вновь установилась дремотная полуденная тишина: видимо, теперь говорила знахарка. Периодически доносились восклицания матерей. Веки потяжелели, опустились сами собой... Но тут дверь снова открылась, и из комнаты вышли две растерянные старшие представительницы семейства, а за ними задумчивая дочь. Мать и бабушка сделали несколько шагов по направлению к выходу, затем синхронно повернулись к знахарке, оставшейся в проеме.

— Но подождите! — воскликнула младшая мать. — Как же Олечка здесь одна? Никого же не знает! Вы уверены?..

— Не волнуйтесь об Ольге, — попросила целительница. — Езжайте. И лучше общаться по телефону, без визитов. Энергетические потоки по вашей женской линии необычайно сильны, они будут мешать процессу снятия венца. У вас крайне запущенный случай. Потребуются тонкие настройки и серьезный закреп. Если вы приедете, они собьются, и придется все начинать сначала. Полагаю, трех недель мне хватит. Не зря же вы ждали, когда Ольга пойдет в отпуск, чтобы попасть ко мне. Это было мудрое решение, так я смогу все сделать с толком, не торопясь. И вы безусловно правильно сделали, что не стали откладывать проблему в долгий ящик, с годами все бы усугубилось. Так что езжайте спокойно. Обещаю, я присмотрю за вашей дочерью.

«Какой бред, — подумал Семен. — И за это она наверняка потребует кучу денег».

— Оленька, — всхлипнула мать, — ты же никогда еще одна не оставалась... А как же концерт старинных русских романсов?! Он же в следующую пятницу!

Кажется, в этот момент Оленьку посетили те же мысли, но вместо того, чтобы расплакаться от ужаса и горя, она внезапно широко улыбнулась. Впрочем, нужно было отдать ей должное: улыбка украсила ее лицо буквально на мгновение, после чего Ольга взяла себя в руки и смешила ликующее выражение на подобающее слуха кислое.

«Хм», — подумал Семен.

— Следующий, — объявила знахарка и посмотрела на него.

Поскольку из посетителей в сенях остался только Семен, то следующим, очевидно, был он. Игнорировать этот факт не представлялось возможным, тем более Алеша уже мягко подталкивал его под локоть. Семен неохотно встал.

Один раз. Он вытерпит это один раз — только ради детей, почему-то тоже решивших, что женщина перед ним — его последняя надежда, — и больше никогда сюда не вернется.

Однако, переступив порог «кабинета», Семен все же сбился с шага. Не отдавая себе в том отчета, точно так же, как был уверен, что знахарка — старуха, он ожидал увидеть внутри что-то напоминающее избушку Бабы-яги из книжки со сказками. Но за дверью его встретил типичный кабинет терапевта в муниципальной больнице. Стол, два стула, шкаф с папками, застеленная клеенкой кушетка. Расписанный под паркет-елочку линолеум на полу, выкрашенные темно-зеленой краской стены. Углы в местах встречи стен с потолком были скруглены, как бывает это в старых домах и как было в том, где давным-давно Семен рос. И перед глазами возникла давно забытая картинка из детства: он просыпается утром, за окном лето, раннее

солнце пробивается сквозь неплотно задернутые шторы, яркий луч ложится на потолок и когда-то бордовые, а теперь светло-розовые обои в полосочку...

Семен дернул головой, отгоняя наваждение. Что это на него нашло?

— Присаживайтесь, — предложила знахарка и указала на стул, приставленный к столу сбоку. И впрямь как в поликлинике.

Пока он устраивался, она помыла руки — Семен хмыкнул: кто еще в этой деревне мог похвастаться таким разветвленным водопроводом? — и вернулась за стол. Стена за ее столом от пола до потолка была увешана рисунками. Одни были выполнены хуже, другие лучше. В исполнении некоторых чувствовалась взрослая рука. Что это? Подарки от благодарных клиентов?

— Слушаю вас, — напомнила о себе знахарка.

Надо было говорить. Все-таки она его сюда не звала, он сам пришел, а теперь сидит и молчит. Отнимает у человека время. Но Семен не знал, что говорить, потому что не верил, что эта женщина способна его вылечить, да и рассказывать ей что-либо о себе совершенно не хотелось.

Знахарка смотрела на него в ожидании, и в глазах ее читалась усталость человека, работающего с людьми. И хотя Семен не верил в ее способности, он верил в необходимость уважения. Поэтому решил, что будет откровенен, и тогда этот фарс закончится, не начавшись, и все только выиграют.

— Меня прислали к вам мои дети, — признался Семен. — Они уверены, что вы способны мне помочь.

— А вы так не считаете.

— Нет.

Знахарка улыбнулась. Улыбка тоже вышла усталая и скучающая. Так, слегка приподняла уголки губ.

— Зато честно, — кивнула она. — Но раз уж вы здесь и проделали для этого немалый путь, предлагаю хотя бы представиться друг другу. Меня зовут Дарья Андреевна, и если вы опасаетесь, что я начну плясать, распевая мантры и раскуривая благовония, то можете успокоиться: я не стану этого делать.

Семен нервно усмехнулся. Знахарка угадала: чего-то подобного он и боялся.

— Семен Александрович, — представился он в ответ. — И меня не мучает ничего сверхъестественного. Просто болят руки.

— Диагноз есть?

— Ворох. Можете выбрать тот, что вам больше понравится.

Он протянул ей пухлую папку. Оказывается, зря посмеялся, когда дочь велела взять с собой на прием документы. Дарья Андреевна приняла папку, раскрыла и на какое-то время погрузилась в изучение содержимого. Потом поинтересовалась:

— На что похожа боль?

Семен запнулся. Описание, отшлифованное многочасовыми страданиями, у него имелось: ощущения были такие, словно руки окунули в кипяток и одновременно с этим кости в ладонях проворачивают в разные стороны. Но один раз он уже рискнул озвучить подобное врачу. Тот поморщился и попросил не преувеличивать. Больше Семен до таких откровений не опускался.

— Просто острые боли в костях. Жжение.

— Насколько сильна боль по шкале от одного до десяти?

— Четыре-пять.

И почти не соврал, днем она действительно становилась настолько терпимой.

— Как часто испытываете?

— По-разному. Иногда отпускает, иногда снова нака-
тывает.

— В какое время суток болит сильнее всего?

Сильнее всего отчего-то болело на рассвете. За послед-
ние два года Семен приобрел страх перед восходом солн-
ца и научился как следует разбираться в снотворных. Без
них заснуть часто не получалось: он ведь знал, от чего
проснется. Но это тоже звучало так себе.

— По утрам.

— Когда возникли первые проявления?

— Около двух лет назад.

— Сколько вам полных лет?

— Пятьдесят.

— Кем вы работаете?

— Сейчас не работаю.

— А до этого?

— Научным сотрудником.

— Хронические заболевания?

— Нет.

— Чем лечились?

— Всем.

— Подробнее?

— Таблетки, мази, физиотерапия...

— Гимнастика? Массаж?

— Нет. Мне предлагали, но...

— Но вы не стали делать.

— Не стал.

Он ожидал, что сейчас знахарка выскажет о его без-
ответственности, но она промолчала.

— Могу я взглянуть на ваши руки? — вместо этого
попросила она.

И тут Семен понял, что их общение все-таки переросло
в полноценный прием. Что ж, нельзя было не отдать Дарье
Андреевне должное, сработала она профессионально

и обошлась без гипноза. И поэтому он пусть нехотя, но положил ладони на стол. Искривленные болезнью пальцы мелко подрагивали. Сам Семен предпочитал на них лишний раз не смотреть. Ему не хотелось, чтобы к рукам прикасались, но Дарья Андреевна вновь удивила его, потому что не стала этого делать. Она нахмурилась, оглядела заметно выступающие бугорки суставов, а потом посмотрела ему в глаза и произнесла:

— Не хочу показаться бес tactной, но обязана спросить: у вас что-то случилось, Семен Александрович? До начала болей. Быть может, кто-то умер?

Воздух вокруг стал гуще. Вот и начались игры. И вот теперь точно хватит. Медленно Семен стянул ладони со стола.

— Я пойду, — сказал он. — Спасибо за прием. Сколько я вам должен?

Дарья Андреевна поджала губы. Потом кивнула, словно своим ответом он рассказал ей куда больше, чем собирался.

— Дело ваше, — согласилась она. — Вы мне ничего не должны. Но рекомендацию все-таки дам. Полагаю, вам лучше обратиться к психологу или психотерапевту. Думаю, так будет вернее.

Семен сжал зубы. В ад того кабинета дети его тоже уже отправляли.

«Скорбь — это плата за любовь, — услышал он там. — Попробуйте улыбнуться. Ведь рядом с вами есть люди, ради которых стоит жить, правда?»

Больше он туда не вернулся.

— Спасибо за прием, — деревянно повторил Семен.

Он подтянул к себе папку с документами, проклиная болезнь, с трудом сложил в нее бумаги, встал и повернулся к выходу. И сделал шаг, чтобы уйти и сюда тоже никогда не вернуться, но судьба распорядилась иначе, потому что

в этот момент дверь широко и без стука распахнулась и в кабинет ворвалась женщина, которую он сегодня уже видел.

— Дарья Андреевна!

Это снова была Людмила, но в этот раз на руках у нее был не младенец, а мальчик лет семи. Она прижимала его лицом к груди и держала как маленького, а его рука свисала вниз и вся была перемазана красной краской, или не краской, потому что та бы уже давно высохла и не капала бы на пол... как кровь.

Паника сдавила горло и грудь, и Семен едва поборол желание отшатнуться. У него на глазах истекал кровью ребенок, и нужно было что-то делать, куда-то бежать, звать на помощь, спасать...

— Клади на кушетку, — приказала знахарка. — Осторожнее! Что произошло?

— Топором рубанул, — задыхаясь, с трудом выговорила Людмила.

Семен мог поручиться: Дарья зарычала. Потом бросилась к шкафу, достала из него аптечку, поставила ее на стол и кинулась мыть руки. Снова вернулась к ребенку.

— Держи его, — велела она, натягивая одноразовые перчатки. — Нужно промыть.

Мальчишка взвыл и забился, рванул руку.

— Помогите! — резко повернулась Дарья к Семену. — Держите его!

Семен облизал пересохшие губы. Что?..

Дарья разочарованно выдохнула, а затем... обхватила голову мальчика ладонями и заглянула ему в глаза. В этот момент она стояла спиной к его матери, но Семен со своего места ясно видел, как она что-то произнесла. Мальчик застыл. Потом закатил глаза и обмяк.

— Что с ним? — заверещала Людмила.

— Обморок, — уверенно ответила Дарья. Не теряя времени, уложила мальчика обратно на кушетку, опустилась

рядом на колени и принялась промывать рану. Проложила ее губкой и наложила повязку. Она действовала четко и уверенно, и ее уверенность передалась что Семену, что Людмиле, и они оба покорно и тихо ждали, пока она закончит. Но, выполнив все необходимое, знахарка, вместо того чтобы заверить их, что теперь все хорошо, обеспокоенно покусала нижнюю губу. Кровь проступила сквозь повязку: сначала несколькими пятнышками, потом стала окрашивать ее в алый.

Дарья обернулась к Людмиле:

— Нужно остановить кровь и срочно доставить его в город. Я остановлю, а ты беги к мужу, пусть машину выгоняет...

— Так Толька опять в стельку...

— Значит, найди того, кто отвезет!

— Да где ж еще...

— Мы на машине, — услышал свой голос Семен. — Мы отвезем.

— Отлично, — с явным облегчением выдохнула Дарья. — Людмила, иди, предупреди детей.

— Да как же... Может, как-то без этого заживет?!

Дарья порывисто встала и сделала шаг к Людмиле.

— У него раздроблена кость, — очень тихо сказала она, глядя той в глаза. — Если хочешь, чтобы твой сын остался без руки, можешь никуда не ехать.

— Да что ж это... Да нет, конечно... — залепетала Людмила, испуганно прижав руки к груди.

— Тогда иди, — с нажимом повторила Дарья. — Собери документы, одежду и все, что нужно для больницы. А я остановлю кровь. И вы поедете.

— Да... Да...

Людмила попятилась к двери, потом выбежала, не закрыв ее за собой. И Семен увидел на стуле сына. Тот во-просительно вскинул голову. Семен повернулся к знахарке.

Насколько он мог судить, она действовала профессионально. Но кровь все равно бежала, она была уже и на руках Дарьи Андреевны, и на ее одежде, и на кушетке, и на полу...

Знахарка снова склонилась над рукой мальчика и, не поворачивая головы, велела:

- Заводите машину.
- Но...
- Идите.
- Мы не довезем так...

— Довезете. Но только если выедете прямо сейчас.

И Семен наконец осознал ситуацию полностью. Ребенку нужны кровь и хорошее обезболивающее, нужно перебрать кости кисти, зашить рану. Ему нужны хорошие специалисты. И как можно быстрее.

— Пошли, — позвал он Алешу, выходя в приемную. — Отвезем в город, в больницу.

Сын не стал переспрашивать или возражать, бросился из флигеля.

Семен вышел в сени и уже почти шагнул на крыльцо, но в последний момент, не сумев справиться с тревогой, развернулся и заглянул в кабинет. Вместо того чтобы попробовать заново перевязать рану, Дарья сидела на корточках, держа в руках порубленную кисть ребенка, и губы ее шевелились.

* * *

В Малые Озерки Семен с Алексеем вернулись на следующий день. От города до этой крохотной деревни на десять жилых дворов было три с половиной часа езды. Жарко светило солнце, и на проселочной дороге, венчающей их путь, не было ни единой лужи. Лес взглянул приветливо. Немалую часть жизни Семен провел в лесу и привык доверять его приметам, и покачивающиеся вдали зеленые кроны утвердили его в его намерении.

Маленького Коленьку они вчера довезли хорошо: каким-то непостижимым образом Дарья все-таки сумела остановить кровотечение, и, хотя Семен всю дорогу боялся, что рана вновь откроется, этого не случилось. Людмила успокоилась на удивление быстро. Женщиной она оказалась крайне словоохотливой, так что после поездки и двухчасового пребывания в больнице в ожидании заключения врача Семену начало казаться, что он сам много лет прожил в Малых Озерах и знает там всех и вся. В том числе — у кого можно снять флигель, чтобы провести остаток лета на природе. Алеша был не то чтобы за, но Семен попросил о чем-то впервые за два года, и сын не стал возражать.

В деревне было всего две улицы. Больше половины домов стояло с заколоченными окнами и дверьми, однако вид их не вызывал уныния. В поисках нужного участка они проехали мимо дома знахарки. Семен увидел ее за забором. Она читала, сидя за столом, укрытым от пляшущего солнца раскидистой яблоней.

— Останови, — попросил Семен.

Уставший от дороги Алеша послушно притормозил. Дарья подняла голову. Семен вышел из машины, и она встала из-за стола. Он дошел до калитки и остановился, и знахарка тоже подошла и так же осталась по свою сторону забора, не торопясь пригласить его зайти.

— Доброе утро, — поприветствовал ее Семен. — Рука у мальчика сильно повреждена, но он в порядке, врачи дают шанс на хороший исход. Говорят: правильно, что повезли в город, а не в райцентр.

Дарья Андреевна улыбнулась. В этот раз вполне искренне.

— Спасибо за добрую весть, — поблагодарила она.

— Вам спасибо, что не стали лечить его самостоятельно.

Знахарка вскинула бровь:

— Это было бы непростительной ошибкой с моей стороны и, скорее всего, стоило бы Коле подвижности пальцев. А если заражение крови? Или столбняк?

— Но многие бы на вашем месте попытались.

— На моем месте?

— Да. Вас же здесь не просто так называют целительницей. А вы не побоялись дать повод усомниться в своих способностях.

— Не понимаю, о чем вы, — перестала улыбаться Дарья Андреевна.

— Как вы это сделали?

— Сделала что?

— Остановили кровь.

— При помощи повязки?

Семен качнул головой.

— Я видел: она не помогла. И тем не менее вы остановили кровотечение, перед этим заставив мальчика уснуть.

— Он упал в обморок.

— Неправда. Вы что-то шептали. Оба раза. Что?

— А это правда так важно?

— Да.

Знахарка нахмурилась, и лицо ее помрачнело:

— То есть вы бы предпочли, чтобы мальчик в муках истек кровью, но мир остался простым и понятным? Семен Александрович, зачем вы вернулись?

— Я решил пожить здесь, — не юля, ответил Семен.

И имел возможность пронаблюдать целую гамму чувств, отразившихся на лице Дарьи Андреевны. Удивление. Смятение. Недовольство. Потом она справилась с собой и перевела взгляд на машину.

— А ваш сын? — спросила она.

— Что мой сын? — удивился Семен.

— Он тоже останется здесь?

— Вряд ли. Но если даже останется, что в этом такого?

— Вы выбрали плохое место для отпуска, — покачала головой Дарья. — У нас тут абсолютно нечего делать. Вам быстро наскучат наши края. Впрочем, разумеется, я вас не отговариваю. Хорошего дня, Семен Александрович.

И, не дожидаясь ответа, она отвернулась, дошла до стола, забрала книгу и скрылась в доме.

ГЛАВА 2

Флигель оказался занят.

Такое развитие событий можно было предположить еще вчера, но почему-то Семен был уверен, что, оставив Ольгу в деревне, знахарка разместит ее в своем доме. Однако Дарья Андреевна рассудила иначе.

— К баб Маше — к Марье Анатольевне сходите, — посоветовала им Лидия Михайловна, хозяйка флигеля. — У нее чердак есть, авось не прогонит.

— Чердак? Да ты окончательно сошел с ума, — раздраженно буркнул Семену в спину Алеша, когда тот развернулся в указанном направлении.

Семен поморщился. Ну наконец-то до ребенка дошло. Сын бросился за ним, нагнал и пристроился рядом, что-то пробурчав сквозь зубы. Однако счастье идти в тишине длилось недолго. Алеша быстро опомнился и вернулся к ставшему для него обычным покровительственно-снисходительному тону, от которого у Семена сводило зубы:

— Пап, ты же знаешь, мы с Катей готовы на все, чтобы тебе помочь. Но мне не кажется, что эта деревня — то, что тебе нужно.

— Я два года делаю все, что вы считаете нужным. Дай решить самому...